

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ДЕРЕВНИ

тенденции и противоречия

Елена Викторовна КОРЯКИНА,
старший преподаватель ка-
федры философии ДальГАУ,
г. Благовещенск

Формирующийся реалистический курс аграрных преобразований в России и ретроспективный анализ истории социального развития дальневосточного села в эпоху перестройки очень актуальны. Без научного осмысления данной проблемы невозможно полное воссоздание всеобщей социально-экономической истории России XX в.

Понятие «социальное развитие» традиционно употребляется как в узком, так и в широком смысле слова. В первом случае — это общественные процессы и отношения, в которых человек выступает как потребитель материальных и духовных благ. Величина отношения реальных доходов населения, показателей прироста жилья, объектов непроизводственного назначения и т.д. к неким стандартам является своеобразным барометром социального развития и служит основой для принятия управленческих решений. «Социальное развитие в широком смысле слова» представляет собой качественную составляющую, при этом в отличие от первого подхода уменьшается возможность четкого количественного измерения социальных процессов, затрудняется поиск его индикаторов. Поэтому при определении социального развития следует исходить из их единства и охватывать определением всю гамму общественных отношений¹.

Дальний Восток всегда имел свою логику развития. К началу 90-х годов XX в. он занимал площадь 6215,9 тыс. кв. км, население к 1989 г. составило 7,9 млн. чел., достигнув максимума в 1991 г. — 8,057 млн. чел. Плотность населения традиционно мала — всего 1,3 чел. на кв. км по сравнению с 8,7 чел. по России. Приморье, южная часть Хабаровского края, Амурская, Сахалинская области и ЕАО считались наиболее перспективными для интенсивного многостороннего развития². Однако северные и дальневосточные коэффициенты, льготы и сравнительно высокая заработная плата (среднемесячная зарплата дальневосточников в 1988 г. составила 219 руб., т.е. на 50% выше, чем в целом по стране, а в 1990—1991 гг. произошло её увеличение в 1,47 раза)³ не компенсировали повышенные затраты на проживание. Условия жизни на территории региона в силу неразвитости инфраструктуры, угнетающих природно-климатических факторов оставались тяжелыми⁴. Уровень потребления на душу населения основных продуктов питания на Дальнем Востоке не соответствовал рекомендуемому Институтом питания РАМН СССР пищевому рациону населения РСФСР. Например, в 1989 г. по Приморскому краю он был меньше по мясопродуктам на 10%, молокопродуктам на 14%, картофелю на 9%, овощам и бахчевым на 16% и только по хлебобулочным изделиям и яйцу превышал республиканские показатели на 1,8% и 1% соответственно. Внутрикравое производство обеспечивало потребность по мясопродуктам лишь на 54%, молокопродуктам на 45%, яйцу на 94%, хлебобулочным изделиям на 16%, овощам и бахчевым на 53%⁵, хотя за счёт разницы в структуре потребления расходы жителей региона

на продовольственные товары были выше на треть, а на промышленные — на 16% среднероссийских показателей⁶.

Постепенно Дальний Восток терял свою привлекательность, о чем свидетельствуют цифры: естественный прирост населения на 1000 чел. снизился с 11,8% в 1986 г. до 10,4% в 1988 г., а общий коэффициент миграционного прироста сократился с 5,7% в 1981—1985 гг. до 2,7% в 1986—1988 гг.⁷ Характеристика социально-экономического положения Приморья, представленная на третьей сессии краевого Совета народных депутатов, проходившей 17 декабря 1990 г., является тому подтверждением: «За последние десять лет общий прирост населения в крае составил 279,5 тыс. чел., или 14,7%. В то же время доля жителей сёл уменьшилась на 1,7%. Продолжительность жизни сельского жителя на 1,5 года меньше, чем городского, а детская смертность выше. Это обусловлено главным образом высокой степенью трудовой эксплуатации, социальной убогостью населения, значительно худшими условиями жизни, труда, отдыха, продовольственного и товарного обеспечения, медицинского обслуживания по отношению к городскому жителю. Как следствие данного положения — нарастание продовольственного дефицита»⁸.

Отправной точкой перестроечных преобразований в регионе можно считать 1986 г., когда началась реализация Долговременной государственной программы развития Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2000 г. (хотя официальное утверждение документа приходится на 1987 г.)⁹. Предполагалось за счет двукратного увеличения объема капитальных вложений в развитие Дальнего Востока за 15 лет сформировать высокоэффективный хозяйственный комплекс, способный к модернизации прежде всего за счет собственных ресурсов. Эта программа давала возможность выравнивать социальные стандарты Дальнего Востока по отношению к другим территориям страны¹⁰. Однако под смысловой завесой новых терминов репродуцировались традиционные схемы и принципы.

Кроме этого, на регион уже в 1989 г. было распространено ограничение капиталовложений. Министерства и ведомства, являясь основными держателями ресурсов и ссылаясь на переход к рыночным отношениям, фактически уклонились от выполнения мероприятий программы. Собственных источников финансирования, производственных, инфраструктурных и социальных программ в дальневосточном регионе не было. Недооценка значимости регионализации экономической политики, т.е. признания общественной и социальной важности фактора местных условий, сформировала противоречие между реализуемой общей моделью реформ и спецификой сельскохозяйственного комплекса Дальнего Востока, что привело к ускоренному разрушению производственного и социально-демографического потенциалов. Экономисты признавали, что системный «подход к развитию социальной сферы с определением целей реализации выделяемых на ее достижение средств, критериев эффективности их использования...» отсутствовал¹¹.

Правительство, привыкшее работать с теоретическими моделями, плановыми показателями, меньше всего волновала социальная реальность, причем такая тенденция имела общегосударственные масштабы¹². Поэтапность и постепенность преобразований также не входили в планы реформаторов. Уже к середине 1989 г. все более очевидной становится неадекватность замыслов новым реалиям жизни. В целом хозяйство и население Дальнего Востока были всегда привязаны к решению не экономических, а политических и стратегических задач государства в Азиатско-Тихоокеанском регионе, что влекло за собой социальную уязвимость и нестабильность. Ссылка на временность препятствовала развитию социальной сферы, заботе о социальной инфраструктуре, хотя данная проблема постоянно позиционировалась партийным и хозяйственным руководством стра-

ны. Именно об этом говорил М.С. Горбачев, выступая перед жителями Приморья в 1986 г. во время визита на Дальний Восток, подчеркнув, что «XXVII съезд КПСС высказался за проведение сильной социальной политики»¹³.

Понятием «социальная инфраструктура» определяют комплекс отраслей народного хозяйства, оказывающих населению различного рода услуги, которые удовлетворяют физические, духовные и общественные потребности, условия для жизни, труда и всестороннего развития человека: народное образование и культура, здравоохранение, физическая культура и спорт, жилищно-коммунальное хозяйство, торговля и общественное питание, бытовое и дорожно-транспортное обслуживание, связь и т.п. Объектами материально-технической базы этих отраслей являются жилые дома, школы, детские сады и ясли, больницы, амбулатории, торговые центры и магазины, клубы и культурные комплексы, спортивные сооружения, комплексные приёмные пункты, дома быта и др. Таким образом, развитость инфраструктурной сферы оказывает влияние на производство, быт, а также на миграционную подвижность, что особенно актуально для труднедостаточных районов, к которым относится Дальний Восток¹⁴. Сфера сельской социальной инфраструктуры сложна, специфична и недостаточно исследована. До сих пор нет чётких и обоснованных методических подходов в анализе её состояния, условиях формирования, планирования и развития¹⁵.

Важная социальная проблема дальневосточной деревни в середине 1980-х годов — это недостаток жилья и предметов потребления. Жилищный фонд села к этому времени превышал 1,5 млрд. кв. м полезной площади, что составляло 37% всего жилищного фонда страны. Одновременно выбывший по изношенности жилищный фонд в РСФСР в 1986 г. составил 3,5 млн. кв. м, или 20% от объема нового строительства на селе¹⁶. На XII пятилетку по плану был намечен ввод в действие жилых домов в сельской местности общей площадью 208 млн. кв. м — самый большой за предшествующие 25 лет. Предусматривалось к 1990 г. достичь средней обеспеченности сельского жителя площадью на уровне 16,3 кв. м¹⁷. Для работников АПК и членов их семей в РСФСР в 1989 г. были построены жилые дома общей площадью 16,0 млн. кв. м, дошкольные учреждения на 97 тыс. мест¹⁸. На одного жителя Дальнего Востока, по данным за 1987 г., приходилось 13,1 кв. м полезной площади (в РСФСР — 15,5 кв. м). Доля ветхого и аварийного жилья в дальневосточном регионе к 1990 г. была в два раза больше среднероссийских показателей¹⁹.

Переориентация инвестиционного процесса на увеличение объемов непроизводственного строительства, ускорение развития материально-технической базы социальной сферы происходили медленно. В Приморском крайагропроме вместо увеличения капитальных вложений на XII пятилетку в ряде районов происходило снижение. Если в 1986 г. лимит государственных капвложений составил 3084 тыс. руб., по строительно-монтажным работам — 1823 тыс. руб., то в следующем году он снизился соответственно до 2570 тыс. руб. и 1507 тыс. руб. Таким образом, произошло уменьшение капитальных вложений на 20% и 21% соответственно²⁰.

Повсеместно подрядные организации снижали объемы ввода жилья. Одна из причин — устаревшее физическое и моральное технологическое оборудование, при этом удельный вес современного высокоэффективного оборудования не превышал 12%. Нехватка строительных материалов являлась ещё одним препятствием для выполнения программ ускорения строительства жилья и объектов соцкультбыта. Так, возводимыехозспособом в 1987 г. объекты были обеспечены стройматериалами всего на 50%²¹ при плохом качестве сдаваемого жилья. Слабая хозяйственная и экономическая деятельность увеличивала себестоимость выполненных строительно-монтажных работ. Невыполнение плана по вводу

в действие основных фондов, перенос сроков строительства объектов способствовали росту «незавершёнок»²². Неоднократно вскрывались факты нецелевого использования средств, а также несвоевременного оформления финансирования. Настоящим бичом были приписки и завышение объёмов выполненных работ, что приводило к искажению статистической отчётности²³.

Члены постоянной комиссии Приморского края по возрождению села и аграрным вопросам на июньском заседании 1991 г. констатировали, что к 1990 г. по жилищному строительству показатели снизились до уровня XI пятилетки²⁴, выражали мнение о необходимости финансирования социальной сферы из республиканского бюджета.

Вряд ли помогла бы предложенная членами комиссии такая радикальная мера, как прекращение строительства в городе и направление всех освободившихся средств на село²⁵. В 1991 г. объёмы жилищного строительства на Дальнем Востоке сократились на 21,8% по сравнению с предыдущим годом. Регион с 1980 по 1992 г. имел самую низкую в России обеспеченность жилищными фондами. К началу рыночных преобразований в улучшении жилищных условий в Приморье нуждалась каждая четвёртая семья (по России — каждая пятая). Отставание от среднероссийского уровня по жилищной обеспеченности в 1980 г. было на 11—12%, а в 1985—1990 гг. достигло максимума — 13—14%. Город обеспечивался жильем меньше, чем в среднем по России, на 8—10%, а сельская местность — на 20% и более²⁶.

Регион имел низкий уровень благоустройства обобщественного жилого фонда, особенно в сельской местности в сравнении с республиканским. Так, если городской жилищный фонд Дальнего Востока в конце 80-х годов XX в. был оборудован водопроводом на 88% (в среднем по РСФСР — на 93%), то сельский только на 31% (по РСФСР — 43%). Обеспеченность газом соответственно составляла 29% и 73% в городской местности и 41% и 75% в сельской²⁷. В городах и посёлках Приморья каждая пятая квартира не имела центрального водоснабжения, канализации, центрального отопления, а в деревне даже в обобщественном жилищном фонде (69% всех квартир) эти коммунальные услуги отсутствовали²⁸. Обеспеченность жилого фонда амурской деревни элементами благоустройства в 1990 г. составила: водопроводом — 24%, канализацией — 22, горячим водоснабжением — 14%. Не лучше обстояло дело со строительством и вводом в действие объектов соцкультбыта. К концу XII пятилетки 29% населенных пунктов Амурской области не имели общеобразовательных школ, шестая часть — дошкольных учреждений, 9,4% — предприятий торговли, более 40% — предприятий общественного питания и бытового обслуживания²⁹.

Неудовлетворительное обеспечение сферой услуг отрицательно влияло на отношение населения к проживанию в крае. Об этом не раз говорилось с самых высоких трибун. М.С. Горбачев в выступлении перед приморцами подчеркнул, что этот вопрос «прямым образом связан с социальной политикой партии, с активизацией человеческого фактора»³⁰.

В целом объем реализации бытовых услуг на душу населения по стране к началу перестройки увеличился и составил в 1986 г. 28 руб. Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986—2000 гг. предусматривала рост объема бытовых услуг в 1990 г. не менее чем на 40%, а в 2000 г. — в 2,4—2,5 раза. Традиционно вложения в сферу услуг в расчете на одного городского жителя в 3 раза больше, нежели на селянина³¹. Действительно, по районам Хабаровского края объем бытовых услуг в 1986 г. увеличился на 9% в городе и на 5% в сельской местности. В 1989 г. бытовых услуг населению Приморья было оказано на 9% больше, чем в 1988 г., но по-прежнему сельские жители получили их меньше, чем городские, — 28,2 руб. против

45 руб. Предприятия связи оказали населению Приморья услуг на 43,7 млн. руб., или 108,1%, к уровню 1988 г., а жителям Хабаровского края на 7,8% больше плана и на 12,8% от уровня предыдущего года³². Однако статистические отчеты, используя усредненные показатели, не отражали всей полноты происходящего.

Стратегическая уязвимость российского Дальнего Востока, связанная с его удаленностью от центра страны и малонаселенностью, постоянно заставляла предпринимать усилия по более результативному и интенсивному хозяйственному и демографическому освоению региона. Поэтому всегда актуальным для дальневосточной деревни являлся кадровый вопрос. В сельском хозяйстве сложившиеся технико-экономические показатели не соответствовали возросшим потребностям населения к содержанию и условиям труда. Доля ручного труда в перестроечный период составляла более 50%, а это значит, что у значительной части работников отсутствовала заинтересованность в результатах своей деятельности, что вело к снижению производительности труда.

К началу 1987 г. потребность в механизаторских кадрах по колхозам и совхозам Благовещенского района составляла 903 чел., а в наличии имелось только 741, из которых 170 чел. — лица до 30 лет. Животноводов требовалось 1152 чел. (фактически их было только 1051 чел.), доля молодого возраста — 180 чел. Эти данные наглядно свидетельствуют о большой потребности квалифицированных кадров для нужд сельского хозяйства, а также о сокращении доли молодых работников в сельской местности³³. Не лучше обстояло дело с кадровой обеспеченностью амурского села в учреждениях образования и здравоохранения. На начало 1985 г. ни одна из 15 заведующих дошкольными учреждениями в колхозах и в 10 совхозах Тамбовского района Амурской области не имела законченного высшего образования³⁴. На 1985 г. обеспеченность врачами в Амурской области составляла 40,6% на 10 000 чел. населения, причем на город приходилось 56,6%, а на село 11,6. Дефицит врачебных кадров по центральным районным больницам составлял 179 чел., а по сельским участковым больницам 48 чел. В течение года прибыло 549 средних медицинских работников, 296 из которых — молодые специалисты. Но их прирост составил всего 232 чел., так как 317 чел. убыло³⁵.

Текущая кадровая являлась серьезной проблемой. В конце 1980-х годов на первом месте в Дальневосточном экономическом районе по этому показателю находилась Амурская область, второе место занимал Хабаровский край. Основные причины такого положения — неудовлетворительные условия труда и быта, изменение семейного положения, отсутствие мест в дошкольных учреждениях и жилплощади. Неоднократные попытки решения проблемы носили скорее декларативный характер. Так, подписывая в 1985 г. договор о социалистическом соревновании трудящихся, первые секретари Амурского обкома КПСС, Хабаровского и Приморского крайкомов КПСС включили обязательство сократить показатели текучести кадров на 5%³⁶.

Неблагоприятные условия труда и быта приводили к социальной и культурной деформации дальневосточного крестьянства, хотя в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 гг. и на период до 2000 г.» было сказано, что XII пятилетка должна стать периодом крутого подъема культурного строительства на селе. В целом в РСФСР планировалось сооружение клубных учреждений почти в 3 раза больше по сравнению с предыдущим периодом. Однако реальность была иной. Материально-техническая база учреждений культуры Амурской области обновлялась крайне медленно. Например, на начало 1986 г. из 35 клубных зданий Серышевского района 24 были построены с 1946 по 1960 г. без типовых проектов. Дополнительные площади для проведения массовых мероприятий, кроме зрительных залов, отсутствовали, не было и помещений для кружковой работы. Оснащенность техническими

средствами, мебелью, аппаратурой в 23 учреждениях культуры не соответствовала нормам. Укомплектованность специалистами составляла 83%, а текучесть кадров — 52%. При этом районный Дом культуры давно требовал капитального ремонта, а районная библиотека вообще не имела здания³⁷.

Постоянное ощущение удаленности трудонедостаточного дальневосточного региона от Центральной России, помноженное на ослабление повседневных человеческих и экономических контактов с нею, поставило вопрос об активизации миграционных потоков, в том числе из соседних стран Юго-Восточной Азии. Трудовая миграция является процессом территориального перемещения рабочей силы с конкретной целью трудоустройства на определенный срок³⁸. По данным исследователя В.Я. Портякова, из привлечённых 10 тыс. чел. в 1990 г. и 17—18 тыс. чел. в 1993—1994 гг. (сводные цифры до 1994 г. отсутствуют) 46% было занято в строительстве, 47% — на сезонных сельскохозяйственных работах. Наибольшие крупные контингенты мигрантов были сосредоточены в Читинской и Амурской областях, в Хабаровском и Приморском краях³⁹. В целом, оценивая воздействие миграционных процессов на развитие юга Дальнего Востока, можно выделить позитивные тенденции — трансформация массовых стратегий поведения экономически активного населения, замещение непрестижных рабочих мест и др.

Негативное влияние миграции на развитие региона выражается в росте нагрузки на социальную инфраструктуру, повышении конкуренции на рынке труда, уровня цен на жилье, увеличении масштабов бедности и нищеты и т.п. Кроме этого, проблемой остается нелегальная миграция, которая всегда имеет криминальный подтекст.

Таким образом, к середине 80-х годов явно прослеживаются симптомы возникновения кризисной ситуации на Дальнем Востоке в связи с трансформацией природно-ресурсного потенциала и неспособностью централизованного планирования и управления справиться с проблемой традиционными методами. Просчёты в экономической и социальной политике на фоне явлений стагнации, отсутствие регионального подхода привели к быстрому ухудшению социально-экономического положения в регионе. Долговременная государственная программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2000 г., принятая в августе 1987 г., была последней попыткой выправить ситуацию за счет централизованного перераспределения капитальных вложений и их структурной переориентации в пользу развития социальной сферы. Однако она была сгущена «на тормозах». Не дали результатов и отдельные мероприятия, направленные на освоение и заселение региона с помощью регулирования заработной платы и районных коэффициентов, льгот сельскохозяйственным переселенцам (в 1989 г. для сельской местности были установлены денежные пособия на хозяйственное обзаведение, безвозмездная помощь в организации подсобного хозяйства, оплата материалов для строительства жилых домов, предоставление долгосрочных кредитов на сумму до 50 тыс. руб. и др.)⁴⁰. Несмотря на все это, жизненный уровень дальневосточников снижался.

Этот феномен являлся прямым следствием многолетней политики властей, для которых регион то становился привлекательным, и на его развитие выделялись средства, мобилизовывались силы, то переставал считаться таковым и в итоге интерес к нему угасал, а финансовые потоки редели.

¹ Петриков А.В. Совершенствование механизма социального развития села // Сб. науч. тр. учёных Всесоюз. акад. с.-х. наук им. В.И. Ленина. М.: ВО Агрпромиздат, 1989. С. 11—12.

² Гладышев А.Н. Дальний Восток сегодня, завтра. М.: «Общество знание» РСФСР, 1987. С. 33.

³ Михеева Н.Н. Тенденция развития российского Дальнего Востока // Вестн. ДВО РАН. Владивосток, 1997. № 5. С. 8.

- ⁴ Быстрицкий С.П. Рыночные преобразования на российском Дальнем Востоке: противоречия, пути разрешения. Хабаровск: Изд-во Приамур. геогр. о-ва, 1998. С. 13.
- ⁵ РСФСР и регионы Дальневосточного экономического района в 1989 году. М.: Республиканский информ.-издат. центр, 1990. С. 85.
- ⁶ Трошина Т.В. Основные тенденции динамики и сравнительного уровня народного благосостояния // Территориальные особенности формирования уровня жизни населения. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. С. 20—44.
- ⁷ Мотрич Е.Л. Демография и экономика ДВЭР // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 24, 28.
- ⁸ ГАПК. Ф. 26, оп. 37, д. 1155, л. 236.
- ⁹ Дальний Восток России: экономическое обозрение / П.А. Минакир и др. М.: Прогресс — Комплекс Экопрос, 1993. С. 34.
- ¹⁰ Римашевская Н.М. Социальные аспекты перестройки / Л.И. Абалкин, Н.Я. Петраков, Е.Г. Ясин и др. М.: Экономика, 1989. С. 306.
- ¹¹ Концептуальные вопросы Программы государственной поддержки экономики Дальнего Востока в условиях перехода к рынку: науч. докл. Хабаровск, 1992. С. 3.
- ¹² Ахметгалиева А.Р. Сельская территориальная общность в контексте реформируемого российского общества: дис ... канд. социол. наук. Казань, 2004. С. 78.
- ¹³ Перестройка неотложна, она касается всех и во всё: Сб. материалов о поездке М.С. Горбачева на ДВ 25—31 июля 1986 года. М.: Политиздат, 1986. С. 48.
- ¹⁴ Понкратова Л.А. Миграция рабочей силы в приграничных районах России и КНР: особенности динамики структуры // Приамурье от первопроходцев до наших дней: материалы науч.-практ. конф. Благовещенск, 2003. С. 171—175.
- ¹⁵ Совершенствование социально-трудовой сферы села юга Дальнего Востока (рекомендации) / А.С. Шелепа и др. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2006. С. 26.
- ¹⁶ Бондаренко Л.В. Жилищное строительство на селе. М., 1988. С. 5—10.
- ¹⁷ Бондаренко Л.В. Культурно-бытовое строительство на селе. М., 1987. С. 32.
- ¹⁸ РСФСР и регионы Дальневосточного экономического района в 1989 г. М., 1990. С. 48.
- ¹⁹ Бакланов П.Я., Романов М.Т., Мошков А.В. и др. Изменения в территориальных структурах хозяйства и расселения Дальнего Востока при переходе к рыночной экономике. Владивосток: Зов тайги, 1996. С. 166.
- ²⁰ ГАПК. Ф. 1521, оп. 2, д. 256, л. 60.
- ²¹ Там же. Л. 59.
- ²² Там же. Ф. 1633, оп. 1, д. 19, л. 44, 45, 48, 60, 61.
- ²³ Там же. Ф. 1521, оп. 2, д. 256, л. 153, 154.
- ²⁴ Там же. Ф. 26, оп. 37, д. 1344, л. 191.
- ²⁵ Там же. Л. 114, 120.
- ²⁶ Бакланов П.Я., Романов М.Т., Мошков А.В. и др. Изменения в территориальных структурах хозяйства и расселения Дальнего Востока... С. 155.
- ²⁷ Сибирь и ДВ: социальное развитие. М.: Госкомстат РСФСР, 1988. С. 74, 79, 82, 85, 88.
- ²⁸ Там же. С. 82—86.
- ²⁹ Амур. правда. Благовещенск, 1990. 28 июня. С. 2.
- ³⁰ Перестройка неотложна, она касается всех и во всем. С. 46.
- ³¹ Минакир П.Я., Рензин О.М., Чичканов В.П. Экономика Дальнего Востока: перспективы ускорения. Хабаровск: Хабар. кн. изд-во, 1986. С. 190.
- ³² РСФСР и регионы Дальневосточного экономического... С. 46, 124.
- ³³ ГАО. Ф. 114, оп. 2, д. 4746, л. 67.
- ³⁴ Там же. Д. 4738, л. 155—159.
- ³⁵ Там же. Л. 175—177.
- ³⁶ Там же. Д. 4752.
- ³⁷ Там же. Д. 4745, л. 20—22, 24.
- ³⁸ Доржиева Т.Г. Трудовая иммиграция в приграничных регионах России и её социально-экономические последствия: автореф. дис.... канд. экон. наук. М., 2003. С. 7.
- ³⁹ Портяков В. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке и политика России (Отчет Московского центра Карнеги) / В. Портяков: <http://www.carnegie.ru/ru/print/36282—print.htm> [Дата обращения: 26 сент.].
- ⁴⁰ Сидоркина З.И. Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 1997. С. 90—92.

SUMMARY: The author is making out the aspects of the subject of the social development of the Far Eastern village and featured to such development tendencies and contradictions. The article presents the interest of science.